права проведена связь между достоинством личности гражданина и его правом на собственность; правом на материальное благополучие и жесткой ответственности перед законом; патриотизмом гражданина и его политическом и общественном признанием.

По всем этим и многим другим позициям римское право заслуживает признания как важнейший предмет, необходимый не только для полноценного гуманитарного образования, но и для становления личности гражданина в современном цивилизованном государстве.

---

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.
2. Покровский И.А. История римского права. М., 2004.
3. Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996.
4. Иоффе О.С., Мусин В.А. Основы римского гражданского права. Л., 1974. С. 7.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 412.
6. Там же. С. 311.
7. Там же. Т. 29. С. 105.
8. Новицкий И.Б. Римское право. М., 2006; Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 2007; Скрипилев Е.А. Основы римского права. М., 1998.
9. Астапенко П.Н. Римское частное право / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2003; Дождев Д.В. Римское частное право. М., 2007; Кофанов Л.Л. Обязательное право в архаическом Риме (VI-IV вв. до н.э.). М., 1994.
10. Дигесты. Т. I-VII. М., 2003-2005. Т. 1-7.

Шистеров М.В.
(Екатеринбург)

Отечественная война 1812 года в британской историографии

Британская историография наполеоновских войн в целом, и Отечественной войны 1812 г. в частности, имеет ряд характерных

национальных особенностей. Формируя историографическую традицию, эти спецификации отражают отличительные черты национального самосознания и культурно-исторической памяти британцев.

Прежде всего, необходимо отметить, что в рамках обширной британской историографии наполеоновских войн изучение «Русской кампании» 1812 г. никогда не считалось приоритетной задачей и не пользовалось особенной популярностью. Вполне естественно, что основу культурно-исторической памяти британцев о событиях наполеоновской эпохи составили «национальные» сюжеты: Трафальгарское сражение и героическая гибель адмирала Г. Нельсона, «Полуостровная война» (события в Испании и Португалии) 1807-1814 гг. и деятельность А. Уэллесли, герцога Веллингтона, а также, разумеется, кампания 1815 г. в Бельгии, завершившаяся победой «Железного герцога» при Ватерлоо (1). Именно эти сюжеты вплоть до настоящего времени составляют центральный элемент британской идентичности. Отдельные работы, посвященные походу Наполеона в Россию, на этом фоне выглядят не всегда в должной степени «проработанными», отвечающими критериям современного научного исследования. Причины этого, по-видимому, следует искать как в «инструментальной», так и в «контекстуальной» плоскости.

Несмотря на то, что для британской историографии в целом не характерно замыкание в узко-национальных историографических рамках, возможности использования широкой мультинациональной документальной и историографической базы до настоящего времени существенно лимитируются языковыми барьерами, культурно-исторической близостью/отдаленностью стран и народов, а также общественно-политической и научно-тематической конъюнктурой. Применительно к изучению Отечественной войны 1812 г. необходимо отметить не только редко встречающееся среди британских историков знание русского языка, но и закрытость российских архивов, материалы которых вплоть до начала 90-х гг. XX в. были недоступны исследователям за рубежом. Помимо этого, в последние десятилетия сказывается относительная непопулярность военной истории в британских научно-исторических кругах (2). Между тем, без использования архивных материалов (прежде всего, российских архивохранилищ) исследовать многие важнейшие вопросы Отечественной войны 1812 г. не представляется возможным. К сожалению, не всегда оказываются востребованы британскими

исследователями даже опубликованные переводные материалы по «Русской кампании» Наполеона, которых в последние годы становится все больше, не говоря уже о документах и литературе на французском и немецком языках (3). В результате, выводы британских историков, основанные на ограниченном круге опубликованных материалов, как правило, на английском языке, носят сдержанный, либо компилятивный характер, нередко склоняясь к «французской точке зрения» по наиболее острым дискуссионным вопросам. Так, общей тенденцией британской историографии вплоть до настоящего времени является рассматривание событий Отечественной войны 1812 г. преимущественно глазами «Великой Армии» Наполеона. Поэтому война с Россией предстает сквозь призму планов, просчетов и ошибок французского императора, который, «блуждая в поисках славы», не учел важности таких факторов как суровый климат и обширные пространства Российского государства (4). Вынужденные в большинстве случаев следовать за опубликованными (как правило, переведенными) французскими материалами, британские авторы при изучении событий Отечественной войны 1812 г. в центр повествования ставят лучше изученную «Великую Армию» Наполеона, в то время как российская армия, рассматриваемая значительно менее подробно, создает в некотором роде контекст для действий французов. Между тем, вышесказанное не означает, что британская историография слепо копирует выводы историографии французской. От последней ее отличает в целом большая степень беспристрастности, а также обращенность к «внутренним», психологическим аспектам человеческой деятельности на войне (5).

Не меньшее значение для исследований, созданных в рамках британской историографии, имеет проблема «контекста», то, каким образом война Наполеона с Россией в 1812 г. соотносится с общими представлениями британских историков о сущности и характере наполеоновских войн. Именно в этом определяющем аспекте специфика «национальной» историографии Великобритании отражается наиболее рельефно. Существующие подходы условно можно разделить на «геополитические», рассматривающие наполеоновские войны как решающий этап в длительном противостоянии «Великой Франции» и «Великой Британии» за раздел и передел мира, и «идеологические», выводящие конфликт с Францией в идейно-политическую сферу, где Британия выступает в

роли бескорыстного защитника «европейских ценностей» (6). И в том, и в другом случае четкой границы между наполеоновскими и революционными войнами не проводится. Напротив, создается располагающий к аллюзиям и аналогиям «широкий контекст» длительного противостояния Британии и «континента» (по различным основаниям). Отсюда характерные для британской историографии параллели между наполеоновской эпохой и событиями военно-политической истории первой половины XX в. (7). Само по себе, это свидетельствует о важности наполеоновских войн для национального самосознания британцев и вместе с тем демонстрирует склонность британской историографии к мифотворчеству в рамках собственных национальных стереотипов.

Между тем, указанные особенности «национальной» историографии наполеоновских войн позволяют лучше понять, почему (и под каким углом) британские авторы обращаются к «фактору России». С одной стороны, это объясняет, почему в британской историографии война Наполеона с Россией в 1812 г. рассматривается в целом лишь как этап (в той или иной степени важный) в развитии определяющего англо-французского конфликта. С другой стороны, подчеркивается роль России в разгроме Наполеона, ее значение сдерживающего фактора в системе европейского и мирового баланса сил.

---

1. Укажем лишь на некоторые, наиболее значительные работы: Oman Ch. History of the War in the Peninsula. Oxford, 1902-1930. Vol. 1-7; Glover M. Wellington's Peninsular Victories. L., 1963; Becke A.F. Napoleon and Waterloo. L., 1939; Brett-James A. The Hundred Days. L., 1964; Hofschroeer P. 1815. The Waterloo Campaign. Wellington, His German Allies and the Battles of Ligny and Quatre Bras. L., 1998; Idem. 1815. The Waterloo Campaign. The German Victory. L., 1999.

2. Подробнее см.: Ливен Д. Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VI: Сборник материалов. М., 2007. С. 307.

3. Так, только в самое последнее время изданы ряд мемуаров на английском языке, среди которых: Davidov D. In the Service of the Tsar against Napoleon. L., 1999; Ermolov A. The Czar's General. Welwyn Garden City, 2005.

4. Это характерно даже для новейших работ: Zamoyski A. 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004.

5. См., например Austin B.: P. 1812. The March on Moscow. L., 1993; Idem. 1812. Napoleon in Moscow. L., 1995; Idem. 1812. The Great Retreat. L., 1996.

6. Основные идеи первого подхода были сформулированы еще на рубеже XIX- XX вв. в известном лекционном курсе Дж. Сили: Сили Дж. Р. Расширение Англии // Британская империя. М., 2004. Впоследствии они были развиты, скорректированы и дополнены Д. Чандлером: Chandler D.G. The Origins of the Revolutionary and Napoleonic Wars // Idem. On the Napoleonic Wars. Collected Essays. L., 1994. Второй подход наиболее рельефно представлен в недавно изданной на русском языке работе Ч. Исдейла: Esdail Ch. J. The Wars of Napoleon. L., 1995. Русский перевод: Исдейл Ч. Дж. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997.
7. См. например: Geyl P. Napoleon: For and Against. L., 1949; Сьюард Д. Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995.

Шумкин Г.Н.
(Екатеринбург)

Значимое прошлое (по материалам опроса студентов V курса исторического факультета УрГПУ)

Современное состояние российской культуры характеризуется, кроме всего прочего, определенным идейным вакуумом, который возник вследствие того, что прежняя идеология была разрушена, а новая еще не создана, а те попытки, которые предпринимаются в данном направлении, выглядят пока не очень убедительным. Отчасти это можно объяснить тем, что новые идеологи слабо опираются на сложившийся национальный исторический опыт. Опыт – это знания, навыки, которые были приобретены практическим путем, вследствие чего имеют особую ценность, а опытный специалист (обладающий опытом) – ценнее неопытного. Однако успешный опыт превращается в стереотип, предопределяющий поведенческие тактики в аналогичных ситуациях. То есть, опыт может и «обмануть». В социальном плане опытом можно считать всю сферу культуры.

«Исторический опыт» может пониматься двояко. Во-первых, это представления и оценки прошлого, которые складываются в сознании каждого человека. Они формируют стереотипы восприятия и, во многом, определяют интерес к той или иной проблеме. Во-вторых, это то историческое знание, которое было получено при изучении источников и которое подается как практически значимое, как, например, «уроки истории». Соотнести оба значения «исторического опыта» можно следующим образом. В первом значении